

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/73/18

ISSN 0353-8257
UDK 808.61 / 62-087

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

СРПСКИ
ДИЈАЛЕКТОЛОШКИ
ЗБОРНИК
LXVI/1

РАДИВОЈЕ МЛАДЕНОВИЋ
ГОВОР СЕВЕРНОШАРПЛАНИНСКЕ
ЖУПЕ СИРИНИЋ

Уређивачки одбор
Др Недељко Богдановић, др Мирослав Николић,
др Драгољуб Петровић, др Слободан Реметић

Главни уредник
СЛОБОДАН РЕМЕТИЋ

БЕОГРАД
2019

Рецензия на книгу: Младеновић Р. Говор северношарпланинске жупе Сирињић. – Београд : Српска академија наука и уметности, 2019. – 1047 с., карте. (На сербском языке).

Младенович Р. Говор микрорегиона Сиринич в северной части горного массива Шар. – Белград : Сербская академия наук и искусств, 2019. – 1047 с., карты.

Монографија посвећена истраживању сербског местног говора труднодоступног микрорегиона Сиринич в Аутономној области Косово и Метохија Републике Србија. На основу полевог материјала, отражајућег све нивоје језиковој структуре, подробно изучени и описани акцен­тологија, фонетика и морфологија уходя­ще­го в прошле традиционог говора право­славног сербског насељенија. Погранично положење говора Сиринич на крајнем југо­западе сербског дијалектног конти­нуума

в контакте с говорима северной Северной Македоније и с албанским адстратом привело к уникальному сочетанию черт, известных и соседним славянским идиомам, с собственно локальными инновациями. Впервые в сербской диалектологии внутренняя вариативность фонетических и морфологических единиц в одном отдельно взятом сербском говоре исчерпывающе описана в рамках традиционного сравнительно-исторического подхода.

Книга адресована специјалистима по славянском и балканском језикознању, сербској филологији и дијалектологији, контактном језикознању, славјанској и балканској етнолингвистици, вариационој лингвистици, опцем и теоретическом језикознању.

Кључеве слова: славјанские језици, јужнославјанские језици, сербский језик, сербские дијалекты Косово и Метохије, говор Сиринич

Очередная фундаментальная монография о сербских говорах Косово и Метохии профессора Радивоје Младеновича из Университета г. Крагуевац в Сербии оправдала все ожидания специалистов как своим объемом

(1047 страниц или 72 авторских листа), так и качеством (ей совершенно заслуженно была присуждена премия им. Павла Ивича и Милки Ивич за 2020 г., уже вторая в научной карьере автора). Ведущий исследователь крайнего юго-запада сербского диалектного языка (см., например, [1–3]) опубликовал результаты своего многолетнего исследования базового традиционного говора (нем. Grundmundart) микрорегиона Сиринич. Цель настоящей рецензии – привлечь внимание отечественных и зарубежных специалистов к богатому уникальному материалу монографии, посвященной языку фактически островного говора православного сербского населения Косово и Метохии, и максимально быстро и полно ввести его в широкий научный оборот.

Географически достаточно изолированная горная краина Сиринич (серб. жупа Сиринић) расположена в верхнем течении р. Лепенац в северной части горного массива Шар (серб. Шар-Планина), обособленной от остальной территории Автономной области Косово и Метохия Республики Сербия и включающей в свой состав также еще и жупы Гора (ныне полностью исламизированную), Ополе (ныне исламизированную и албанизированную) и Средска (ныне практически полностью исламизированную). Физико-географические условия вокруг Сиринича делают возможным сообщение лишь с южной частью Косово на востоке краины, с котловиной Скопье на юге, с жупой Средска и Метохией – на западе; эти обстоятельства находят закономерное отражение в системе говора, относящегося к призренско-южноморавскому диалекту призренско-тимокской диалектной группы сербского языка [4] – части торлакского диалектного комплекса (об актуальных терминологических проблемах см. [5]). Говор Сиринича – самое восточное звено в ряду глубоко индивидуальных южнославянских идиомов северной Шар-Планины, в который входят также говор Горы и говор жупы Средска. На формирование всех этих говоров оказали воздействие миграции населения, различные балканские, в том числе романский, субстраты и адстраты, в том числе албанский. В монографии описан базовый традиционный местный говор сербов (православных), еще остаточно бытующий в 12 селах краины. Восточная часть Сиринича (села Коштанево, Ижанце, Брод и Фирая албанизированы и исламизированы), в ряде сел в центре жупы (Сушиче, Горня Битина, Доня Битина, Вича, Драйковце) сербы проживают вместе с албанцами, тогда как на юго-западе албанского населения нет (Готовуша, Беревце, Штрпце, Брезовица, Врбештица, Яжинце, Севце). Насколько известно рецензенту, сербы в Сириниче албанским языком не владеют. Необходимо иметь в виду, что краина Сиринич, богатая ресурсами (прежде всего пастбищами и водой), всегда была привлекательным местом поселения; известно о миграциях сюда славян из северной Северной Македонии, Метохии, Косово, юго-восточной Черногории и Северной Албании. Как и большинство единиц южнославянского диалектного континуума, говор Сиринича представляет собой уникальную комбинацию особенностей, встречающихся и в соседних, контактирующих с ним говорах сербского и македонского языков, а также индивидуальных инноваций.

За «Введением», содержащим всю релевантную информацию о территории исследования, населении региона и его истории, методах работы и источниках материала, следуют разделы «Ударение», «Фонетика», «Морфология», «Лингвогеографическое положение и диалектная индивидуальность говора Сиринича» и «Диалектные тексты». Завершает издание французское резюме.

Представим, вслед за автором, основные признаки говора (в соответствии с русской славистической традицией, примеры не снабжены переводом).

В акцентологическом отношении он нетипичен для сербского диалектно-континуума, поскольку ударение в нем ритмическое, а в именах существительных и глаголах оно стабилизировано на пенультимере.

Инвентарь гласных фонем, напротив, типично сербский призренско-тимокский /i, e, a, o, u, ə/; здесь /u/ помимо прочего восходит к прасл. *ǫ (*dub, put, zub; metnule, radnuja*), а /ə/ представляет собой системный единый рефлекс прасл. редуцированных и встречается единично на месте гласных полного образования (например, в назальном окружении: *znət, odəvno*). Гласные среднего ряда /e/, /o/ под ударением часто реализуются как открытые, в том числе в дифтонгических сочетаниях с первым компонентом [i], [u], но /e/ перед /j/ звучит как закрытое или даже как [i] (*prije*). Дифтонгические сочетания [oŭ], [eŭ], [iŭ] образуются вследствие перехода конечнослогового /l/ и поствокалического /v/ в /ǔ/ (*došoŭ, kotoŭ, seŭski; da se karoŭ, da uzoŭ, će nosiŭ; Dragosoŭ, oŭde, oŭca, Seŭce, žiŭ*), что удаляет говор от соседних сербских и сближает с северномакедонскими. Вследствие утрат согласных возникло значительное количество специфических сочетаний гласных. Слогообразующее /r/ стабильно, а под ударением факультативно реализуется как долгое, что автор интерпретирует как следствие контакта с неславянскими балканскими языками, видимо, с албанским (есть примеры долгого [rr] и в неслогообразующей функции (*borr*)). Слогообразующее /l/ отражается как /lu/ после дентальных (*dluboko, slunce, sluze*), но как /u/ в остальных позициях (*vuk, buwa*), сближая, по мнению автора, говор с идиомами Скопской Черногории.

Консонантная система – балканского типа, с шестью аффрикатами, фрикативный компонент которых может быть выражен сильнее (доминирующий вариант) или слабее. Фонема /dz/ встречается в ограниченном круге известных примеров вроде *džver, džid, džvezda, penđzija, džvono*. Фонема /h/ утрачена, реализации /v/ и /j/ вариативны и зависят от темпа речи и фонетического окружения. Частотны примеры факультативной антиципации палатальности (*brajća, mejđa*). Латеральные сонанты противопоставлены как палатальный и веллярный, но в селах со смешанным сербским и албанским населением эта оппозиция нейтрализуется перед гласными переднего ряда. Конечнослоговое /l/ отражается как [ǔ] (*steŭna, seŭsko; petoŭ, deboŭ, mogoŭ, tresoŭ*), но в л-причастии м.р. ед.ч. – как [(j)a] (*videja, donija, imaa*). Консонантные сочетания, как и в соседних говорах, в ряде случаев сохраняют архаичный вид (*sliva, stap, ostar*), тогда как в ряде случа-

ев изменяются факультативными выпадениями и вставками (*sreća, zrela : streća, zdrela; sestra, zdravo : sesra, zravo*).

Развитие морфологической системы говора Сиринича происходило так же, как и в сербских говорах Косово и Метохии. Младенович выделяет четыре типа склонения имен существительных (м.р. на *-ø, -o, -e, -i*; ср.р.; м и ж.р. на *-a*; существительное *mati*; при этом синтетические и аналитические формы вступают в отношения вариативности (*ot korena ~ ot kromit*). В ед.ч. сохранено больше падежных форм (например, в первом склонении – номинатив, датив, аккузатив / *casus obliquus generalis*, вокатив, локатив; с ограничениями – генитив, инструментал) нежели во мн.ч. (номинатив, аккузатив / *casus obliquus generalis*, датив, вокатив); синтетические формы лучше сохранились в склонении на *-a* (например, полностью живой категорией является генитив ед.ч.), тогда как аналитическим сильнее всего охвачены существительные ср.р. Сохранению синтетических форм способствует падежный синкретизм (*od žene, kaži žene, po žene; kaži bratu, prati po bratu*); при предлогах *po, prema, pri* особенно стабилен локатив ед.ч.

Притяжательность выражается дативом (*Sin moejzi sestre*) и, реже, конструкцией *od + génitif* (*Sin od moje sestre*). Как и в других косовскометохийских говорах, у существительных м.р. на *-ø* во мн.ч. противопоставлены формы номинатива и *casus obliquus generalis* (*došle muži : da vidim muže*), что выделяет этот регион в призренско-тимокском континууме. Высокая вариативность флексий отмечена в дативе мн.ч. (*mužima ~ mužam; govedami ~ govedima ~ govedam ~ govedama*).

В местоименной системе также отмечено сосуществование вариантов, что указывает на участие иных говоров в формировании сириничской системы. Так, например, клитических форм личного местоимения 3 л. ж.р. в дативе ед.ч. (*vidi gu : dadi gu ~ gi ~ je*). Рефлексы местоимений **kʷto* и **kʷi* контаминировались в форме *koj*; аналогичные процессы привели к неразличению неопределенных и отрицательных местоимений (например, *nekoj ~ nikoj ~ neki ~ niki*). Флексия *-i* обобщена у количественных и качественных местоименных прилагательных в м.р. (*kakvi, ovakvi; kolikvi, ovolikvi*).

У прилагательных родовые противопоставления сохранены и во мн.ч. (*stari ljudi, stare žene, stara sela*), но в ср.р. изредка встречаются и такие варианты флексии, как *-e* и *-i*, что свидетельствует о начале процесса нейтрализации этой оппозиции. Как и в субстантивном словоизменении, формы генитива, датива и локатива ед.ч. в склонении на *-a* синкретичны и вариативны (*uzi od moje sestre ~ uzi od moejzi sestre; kaži moejzi sestre ~ kaži moje sestre; padalo po moje sestre ~ padalo po moejzi sestre*). В дативе мн.ч. адъективного склонения обобщена флексия *-ema* (*starema ljudima, ženami, govedam*). Компаратив прилагательных (а также существительных, глаголов, предлогов и даже – единично – отрицательного местоимения в форме *po ništa* (с. 569)) образуется по аналитической модели с частицей *po*. Для всех родов обобщены формы датива числительного ‘два; оба’ (*dvema, obema, obadvema*).

Особенности глагольной системы сближают говор Сиринича с идиомами юга Метохии (например, новые соотношения основы презенса и аориста в *kipujem, darujem* vs *kipovala, darovala*). В 3 л. мн.ч. презенса отмечена форма *nosu*, а также дополнение флексией *-u* тематических показателей (*bere-u, nosi-u*), т.е. фактически усиление грамматической редундантности посредством умножения изофункциональных грамем. В формах аориста существенно частотнее флексии с компонентом *-o* нежели *-e* (*uzo, počo; uzosmo, počosmo, uzoste; vido, zamrzo, uvrto; se domislosmo, izgoroste*). Имперфект сохранен, но редок. В формах 3 л. аориста и импрефекта наблюдается взаимная контаминация и сосуществование дублетов (*oni dođoše* (чаще) ~ *oni dođou* (реже) vs *oni imau* (чаще) ~ *oni imaše* (реже)). Формы футура образуются по модели *će* + презенс (*će vidim, će vidiš, će vidi; će vidimo, će vidite, će vidu*); при эмплазе редко встречаются спрягаемые формы вспомогательного глагола и союзная частица *da* (*al ćemo da rabotamo, al ćemo da sedimo* (с. 672)). В формах перфекта вспомогательный глагол отсутствует в 3 л. ед. и мн.ч. (ср. *ja sam došla, ti si došla; mi smo došle, vi ste došle*, но *ona došla; one došle*). В формах причастия на *-л* в ед.ч. различаются три рода, тогда как во мн.ч. это противопоставление нейтрализовано (с ед.ч. *imaa, imala, imalo*; мн.ч. *imale* для всех родов), как в македонских говорах.

По-разному обобщились наречия с формантом **-gda* (*sæg ~ sage*, но *käd*); отмечены формы *zime, lete; noću ~ noćom; kolko*. В системе предлогов отмечены изофункциональные варианты *iz ~ od, kud ~ kod, kraj ~ krej ~ kri*. Придаточные определительные предложения вводятся *što* или *koji*.

В объемной завершающей главе на с. 831–852 делаются важные и очень точные обобщения о лингвогеографическом положении среди соседних идиомов и о диалектной индивидуальности говора Сиринича.

Говор демонстрирует механизмы постепенного (и неравномерного в разных участках структуры) проникновения балканизирующих инноваций в систему. Материал прекрасно иллюстрирует действие фонетических законов и отклонения от них, процессы влияний и контаминаций, аналогического выравнивания, обобщения под давлением системы, формирования дублетов и мн.др. Очень сильной стороной монографии Младеновича является то, что опубликованные многочисленные материалы позволяют в будущем делать точные и надежные количественные обобщения о частотности форм и преобладании конкретных вариантов. При этом, возможно, впервые в сербской диалектологии внутренняя вариативность фонетических и морфологических единиц в одном отдельно взятом сербском говоре описана автором рецензируемой монографии в рамках сравнительно-исторического подхода *исчерпывающе*. Несомненно, важной методологической новацией исследования Младеновича является то, что в разделах книги, посвященных морфологии, полно рассматривается и ономастический материал, прежде всего личные имена и топонимы. Наконец, завершает монографию одна из крупнейших в сербской и южнославянской диалектологии почти 200-страничная (очевидно содержащая более 100 000 словоупотреблений) коллекция образцово транскрибированных текстов на базовом говоре.

Несмотря на традиционно-грамматическую, господствующую уже второе столетие в сербской диалектологии организацию богатейшего языкового материала лишь в трех – акцентологическом, фонетическом и морфологическом – разделах (с приложением текстов), нет никакого сомнения в том, что заинтересованный и квалифицированный специалист-лексиколог, морфонолог, синтаксист, этнолингвист и др. без затруднений обнаружит интересующие его факты. При этом не всегда можно предсказать, какие именно сокровища откроются внимательному читателю на страницах этого замечательного труда. Так, нетрудно было предположить, что в материалах встретится немало примеров инициального положения клитик (*gi gu uzela mleko*) или местоименных редупликаций объекта (*stoher smo ga kitil'e; mi kañel gostu, sin mi bija njetu*). Но вполне неожиданной находкой оказалась фиксация ряда лексем с корнем *glum-, важных для интерпретации неясных мест славянской Псалтыри [6], которые часто трактуют как «неудачу перевода». Речь идет о глаголе *глумиться* в тех стихах (например, 76,7), где требуется значение ‘размышлять, беседовать’. Лексемы говора Сиринича *glum* ‘омут, запруда’ и *glumne se* ‘броситься в омут’ (с. 191) позволяют без натяжек реконструировать значение ‘погрузиться (в глубины сердца)’ и для древнецерковнославянского глагола.

Тексты из каждого обследованного населенного пункта записаны от надежных в языковом и культурологическом отношении информантов и без преувеличения представляют полную картину этнолингвистических особенностей Сиринича (с особым вниманием к обрядам перехода, традиционному народному календарю и мифологии). Очень хорошей новостью является и то, что Радивое Младеновичем готовится издание словаря говора Сиринича, а в Белграде активизировались работы по созданию столь необходимого Сербского диалектологического атласа.

Книга, вне всякого сомнения, войдет своим материалом в золотой фонд славянской и сербской диалектологии, ареально-типологического балканского языкознания и этнолингвистики. Однако хочется надеяться, что специалисты по общему и теоретическому языкознанию, ныне также обратившемуся к языковой вариативности и диалектным данным, также не обойдут это издание своим вниманием.

А.Н. Соболев

Литература

1. *Mladenović, Radivoje*. Govor šarplaninske župe Gora. Beograd : SANU, 2001.
2. *Mladenović, Radivoje*. Zamenice u govorima jugozapadnog dela Kosova i Metohije. Beograd : Institut za srpski jezik SANU, 2010.
3. *Mladenović, Radivoje*. Govor južnokosovskog sela Gatnje. Beograd : Institut za srpski jezik SANU, 2013.
4. *Ivić, Pavle*. Celokupna dela. X/2. Rasprave, studije, članci. 2. O dijalektologiji. Priredio Slobodan Remetić. Sremski Karlovci, Novi Sad : Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2018.
5. *Sobolev, Andrey N.* O definicijama lingvonima torlački u južnoslavenskoj dijalektologiji// Bratulić, Josip; Čupković, Gordana; Galić, Josip (Ur.). Dijalekti, jezična

povijest i tradicija. Zbornik u čast Josipu Liscu. Zadar – Zagreb – Zadar: Sveučilište u Zadru – Matica hrvatska – Ogranak Matice hrvatske u Zadru, 2020. S. 637–646.

6. *Соболев А.Н.* Новгородская псалтырь XI в. и ее антиграф // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 113–142.

Book Review: Mladenović, R. (2019) *Govor Severnošarplaninske Župe Sirinić* [The Subdialect of the Micro-Region Sirinić in the North Šar Mountains]. Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 334–340. DOI: 10.17223/19986645/73/18

Andrey N. Sobolev, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

Keywords: Slavic, South Slavic, Serbian, Serbian dialects of Kosovo and Metohija, subdialect of Sirinić.

The book examines the Serbian local subdialect of the hard-to-reach micro-region Sirinić in the Autonomous Province of Kosovo and Metohija of the Republic of Serbia. Based on the field material that reflects all levels of the linguistic structure, the book thoroughly studies and describes the accentology, phonetics, and morphology of the traditional subdialect of the Orthodox Serbian population that is receding into the past. The marginal position of the Sirinić subdialect in the extreme south-west of the Serbian dialect continuum in contact with the subdialects of northern North Macedonia and with the Albanian adstratum led to a unique combination of features known to neighboring Slavic dialects with local innovations. For the first time in Serbian dialectology, the internal variability of phonetic and morphological units in one single Serbian subdialect is exhaustively described within the framework of the traditional comparative historical approach. The book is addressed to experts in Slavic and Balkan linguistics, Serbian philology and dialectology, contact linguistics, Slavic and Balkan ethnolinguistics, variational linguistics, general and theoretical linguistics.

References

1. Mladenović, R. (2001) *Govor šarplaninske župe Gora*. Beograd: SANU.
2. Mladenović, R. (2010) *Zamenice u govorima jugozapadnog dela Kosova i Metohije*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
3. Mladenović, R. (2013) *Govor južnokosovskog sela Gatnje*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
4. Ivić, P. (2018) *Celokupna dela. X/2. Rasprave, studije, članci. 2. O dijalektologiji*. Priredio Slobodan Remetić. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
5. Sobolev, A.N. (2020) O definicijama lingvonima torlački u južnoslavenskoj dijalektologiji. In: Bratulić, J., Čupković, G., & Galić, J. (Ur.). *Dijalekti, jezična povijest i tradicija. Zbornik u čast Josipu Liscu*. Zadar – Zagreb – Zadar: Sveučilište u Zadru – Matica hrvatska – Ogranak Matice hrvatske u Zadru. pp. 637–646.
6. Sobolev, A.N. (2003) *Novgorodskaya psaltyr' XI v. i ee antigraf* [Novgorod Psalter of the 11th century and its antigraph]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 113–142.